

Анна
Компбем

Завоевание
куртизанки

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
К98

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Anna Campbell
CLAIMING THE COURTESAN

Перевод с английского *Е. П. Ананичевой*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Nancy Yost Literary Agency
и The Van Lear Agency.

Кэмпбелл, Анна.

К98 Завоевание куртизанки : [роман] / Анна Кэмпбелл ; [перевод с английского Е. П. Ананичевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-188218-1

Загадочная Сорайя — королева полусвета Лондона, ее красота сводит мужчин с ума. Она манипулирует аристократами, не позволяя никому приручить себя. Герцог Кайлмор решает поставить точку в этой игре: он похищает женщину, чтобы силой сделать ее своей женой. Но Кайлмор еще не знает, что за маской искусственной куртизанки скрывается Верити Эштон — простая девушка, чье сердце давно принадлежит ему. Пойманной в ловушку Верити придется всеми силами защищать свою тайну, ведь разоблачение сможет разрушить все...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-188218-1

© Anna Campbell, 2007
© Перевод. Е. П. Ананичева, наследники, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1

Лондон, 1825 год

Джастин Кинмерри, герцог Кайлмор, смотрел поверх сбившихся в кучу цветных простыней на свою любовницу, в изнеможении откинувшуюся на подушки. Его светлость подозревал, что изнеможение было наигранным, но он получил слишком большое удовольствие, чтобы обращать внимание на мелкое притворство.

Он не спешил завязывать галстук, любуясь ее телом, обнаженным, светившимся в полуденных лучах солнца нежно-кремовым цветом. Изящная округлость бедер. Слегка впалый живот. На великолепной груди покоился кроваво-красный рубиновый кулон, который он подарил ей пару часов назад в знак окончания первого года, проведенного вместе.

Он долго с восхищением смотрел на эти две роскошные белые возвышенности, увенчанные розовыми сосками. Затем перевел взгляд на ее лицо, бледное и непорочное, как на изображениях Мадонны.

Даже после целого года близости контраст между телом распутницы и лицом святой продолжал возбуждать его как мужчину.

Она была прекрасна.

Она славилась как самая известная в Лондоне куртизанка.

И принадлежала Джастину, поддерживая его престиж в обществе не меньше, чем безупречная одежда, знаменитые конюшни или богатые имения. Продолжая оде-

ваться перед большим позолоченным зеркалом, он позволил себе чуть заметную улыбку.

— Позвать Бен-Ахада, чтобы он помог вашей светлости? — Ее необыкновенные глаза, светло-серые и ясные как капли воды, как всегда были лишены всякого выражения. Иногда он задумывался, не в этом ли кроется ее очарование — в присущей ей вопреки искусству в любовных играх отчужденности.

Нет, не только это.

Это было обещанием, что правильно найденный жест, правильно подобранное слово откроют правильно ведущему себя мужчине те миры страсти и чувств, которые скрываются за этим невозмутимым взглядом. Герцог никогда за все это время благополучия не заблуждался, он знал, что не пробился за эту непроницаемую стену отчужденности. И после того, как в течение года пробыл ее покровителем, начинал понимать, что никогда не пробьется.

Догадывалась ли она, какую загадочность придает ей эта недоступность? Его бы удивило, если бы она не догадывалась. Сдержанность чувств ни в коем случае не означала, что целое собрание ведьм было умнее ее.

— Милорд?

Он покачал головой.

— Нет, справлюсь сам.

Честно говоря, он чувствовал себя неловко в присутствии ее огромного немого слуги, о котором ходили слухи, что он евнух, но Кайлмор лишь под пыткой признался бы в этой позорной неловкости.

Она потянулась всем своим гибким телом, телом, сводившим его с ума и доставлявшим такое наслаждение, какого раньше он не мог и вообразить. Кайлмор почувствовал, как в нем снова пробуждается желание. По блеску в ее глазах он понял, что она, черт бы побрал ее пронывательную душу, тоже это почувствовала.

— Еще не поздно. — Тонкая рука потянулась к рубину. Это движение привлекло внимание герцога — и он знал, что на это она и рассчитывала, — к округлым нали-

тым грудям, которые он находил такими соблазнительными.

— Сегодня днем я занят, мадам.

— Жаль, — равнодушно сказала она, поднимая с пола голубой пеньюар. Кайлмор намеренно не смотрел на ее голую спину и бедра.

Вернее, не обращал на них внимания, насколько на это был бы способен любой мужчина с горячей кровью.

Так повелось между ними с того самого момента, когда он шесть лет назад встретил ее холодный оценивающий взгляд в толпе, заполнявшей салон. Тогда она была любовницей другого человека. И после, несмотря на усилия Кайлмора заинтересовать ее, у нее был еще один любовник. Она согласилась на существующие сейчас отношения только в обмен на небольшое состояние и контракты, условия которых волновали юристов еще целый месяц.

Но если он рассчитывал, что выполнение всех условий прекратит их тайную борьбу за превосходство друг над другом, то напрасно. Во всяком случае, их борьба еще никогда не была такой упорной.

И если общество считало, что преимущество на его стороне, то он знал, что любовница обладает не менее сильным оружием. Своей красотой. Своей сдержанностью. А самое главное заключалось в том, что он хотел ее, черт возьми, точно так же, как и шесть лет назад.

С невольным сожалением Кайлмор смотрел, как ее дивная фигура скрывается под пеньюаром. Хотя прозрачный шелк лишь слегка прикрывал ее прелести.

Она откинула назад длинные, до пояса, черные волосы, подошла и остановилась позади него. Их взгляды встретились в зеркале, перед которым он так долго одевался.

— Я не смогу заставить вас передумать? — Она обняла герцога и прижалась всем своим теплым телом к его спине, окутывая чувственным ароматом своих любимых духов. Искусными пальцами она расстегнула его панталоны и просунула внутрь руку. Он закрыл глаза.

Быстрота и сила реакции заставила герцога оттолкнуть ее руку. Мужчина, находящийся во власти своих желаний, — не что иное, как грубое животное.

— В следующий раз.

Она нисколько не огорчилась, черт бы ее побрал. Только пожала плечами, отошла и прислонилась к резному столбику кровати, наблюдая, как Кайлмор поправляет свою одежду. Он натянул пальто и обернулся.

— Благодарю за вашу нескончаемую доброту, ваша светлость. — Она подошла к нему и поцеловала в губы.

Они редко целовались, и поцелуй как знак любви был совершенно неожиданным явлением.

Но именно так его воспринял Кайлмор. Она не пыталась соблазнить его. Прожив с нею год, он это понимал. Он уже подарил ей этот дорогой кулон. И какой жадной она бы ни была, она не могла рассчитывать вытянуть из его кармана еще одну безделушку, достойную магараджи.

Нет, ему оставалось предположить, что она поцеловала его потому, что ей этого хотелось.

Эта потрясающее открытие едва успело прийти ему в голову, как она отшатнулась от него. Мягкие розовые губы, сладость которых испытал Кайлмор — сладость, единственное слово, пришедшее ему на ум, — сложились в слабую улыбку.

— Всего хорошего, ваша светлость.

Он схватил ее руку и, все еще под впечатлением поцелуя, который казался полным абсурдом после того, чем они занимались весь этот день, — с благоговением поднес ее тонкие пальцы к губам, словно это были пальцы принцессы.

Он поднял голову и увидел в ее блестящих глазах то же недоумение, которое чувствовал сам.

— И вам всего хорошего, мадам.

Он отпустил ее руку, вышел из комнаты, спустился по лестнице и покинул виллу, которую купил ей год назад. Но, уходя от особняка все дальше, он никак не мог избавиться от воспоминания о прикосновении ее губ в поцелуе, который был почти... невинным.

Его блистательная, опасная, загадочная Сорайя. И сейчас он понимал ее не лучше, чем шесть лет назад.

Она слышала твердые шаги герцога, покидавшего небольшой аккуратный дом. Он всегда ходил уверенно и целеустремленно. Это было первое, что она в нем заметила.

Но в ту минуту, когда она целовала его, он выглядел неуверенным в себе юнцом, совсем не похожим на холодного сдержанного герцога Кайлмора. В задумчивости она зашла за яркую и совершенно непристойно расписанную китайскую ширму и сменила пеньюар цвета морской волны на простое хлопчатобумажное платье. Едва она вышла из-за ширмы, как в дверь постучали.

— Войдите, — сказала она, рассеянно собирая с пола разбросанные вещи. В доме было полно прислуги, всех их содержал герцог, но старые привычки изживались с трудом.

В комнату вошел массивный человек в полосатых восточных одеждах и окинул хозяйку пронизательным взглядом темно-карих глаз.

— Я сказал девушкам, чтобы они нагрели воду для ванны, Верити, — сказал он с сильным йоркширским акцентом, от которого она безуспешно пыталась избавиться.

— Спасибо. — Верити Эштон, известная всем как несравненная Сорайя, оглядела беспорядок, царивший в спальне. — Даже не верится, что время Сорайи кончилось.

Мужчина вздохнул и стащил с головы свой спускавшийся на плечи головной убор. И мгновенно загадочный Бен-Ахад, немой араб-телохранитель самой скандальной дамы полусвета, превратился в Бенджамина Эштона, такого же типичного для Англии, как пироги со свиной или белые скалы Дувра, парня с фермы северного графства.

— Ты что-нибудь сказала его высокомерию?

Верити не обратила внимания на враждебность к герцогу. Ее младший брат относился с неодобрением к лю-

бому из ее покровителей, но по какой-то причине питал особую неприязнь к Кайлмору. Как она подозревала, герцог разделял эту неприязнь, только не мог позволить себе признаться в неприязни к такому низкому существу, как слуга падшей женщины.

— Нет, мы же с тобой решили, что лучше просто исчезнуть.

Бен издал горловой звук, выражавший неодобрение.

— А теперь ты переживаешь. Не понимаю, как такая мягкосердечная дуручка, как ты, выживает в этом мире головорезов. — Он взял с туалетного столика поднос и начал методично собирать разбросанные тарелки и бокалы. Беспорядок в комнате, как она знала, оскорблял его здравомыслие йомена.

Четыре года, прожитые вместе с сестрой, так и не примирили Бена с ее профессией. Не будь он еще ребенком, когда она начала свою карьеру куртизанки, он не допустил бы этого. Но можно рассудить и наоборот — если бы он не был так молод, если бы ее сестра не была еще моложе, то, может быть, у Верити и был бы какой-то выбор.

— Я думаю... я думаю, герцог — несчастный человек, — тихо сказала она, отгоняя воспоминания о прошлом. Она редко думала о прошлом, но сегодня наступил конец, поэтому воспоминания о том, как появилась Сорайя, были неизбежны.

Бен холодно взглянул на нее.

— Несчастный? Как можно быть несчастным с огромным состоянием, смазливый личиком и всем, чего только может пожелать мужчина. Он просто испорченный, вот и все. Он, конечно, расстроится, потеряв свою игрушку. Но с этими деньжками он скоро купит себе другую. Не переживай из-за своего знатного негодая.

— И все-таки не попроситься — подло. Мы не должны убегать тайком. Ты же знаешь, мы с ним заключили соглашение на год. Он подписал контракт, в котором это обговаривалось.

— Тогда он так сходил с ума от похоти, что согласился бы отдать и душу, если бы ты попросила. И еще улыбался бы при этом. Поверь моему слову, милая, — подписан-

ное соглашение ничего не значит для распутного герцога. Когда он заполучил тебя, он рассчитывал купить тебя на пять долгих лет. И был готов получить тебя любой ценой.

Она наклонила голову, рассматривая прекрасный турецкий ковер под ногами. Честно говоря, это была единственная подлинная восточная вещь во всей комнате.

— Полагаю, ты прав.

Уже не в первый раз она жалела, что поцеловала герцога. Любая дама полусвета знала, что этим напрашивается на большие неприятности.

— Тебе двадцать восемь, Верити. Скоро ты станешь старовата для этих забав. Тогда смотри, как бы знатный и могущественный Кайлмор не задумал заменить тебя свеженькой девицей.

Верити усмехнулась:

— Какой старухой ты меня считаешь!

Брат тоже улыбнулся:

— О, я не говорю, что тебе уже пора на живодерню. Но ты долго обдумывала это. Не позволяй неуместной жалости изменить твоё решение.

— Ты прав. — Соглашение с герцогом предоставляло возможность навсегда расстаться с этой противоестественной жизнью. Он скоро оправится от удара, который нанесет его гордости её отъезд. — Сорайи больше нет.

Бен широко улыбнулся:

— Прекрасно, милая. И я не прочь добавить — я буду страшно рад отделаться и от проклятого Бен-Ахада, любимого внука султана.

Спустя час после того, как герцог Кайлмор покинул любовницу, в большой библиотеке произошла ссора с матерью.

Подобные ссоры не были исключительной редкостью. У Кайлмора с герцогиней были напряженные отношения даже в лучшие времена. Но сегодняшняя схватка казалась более ожесточенной, чем обычно.

— Ты женишься, Джастин! Это твой долг перед именем и семьей. Твой долг передо мной. Долг перед титулом. — В этом споре не было ничего нового, но сегодня

мать проявляла особую горячность. Она стояла перед ним, высокая, худая, слепо верящая в незыблемость своих желаний.

— Иногда я думаю, что мир стал бы лучше, если бы титулы предали вечному забвению, — устало заметил Кайлмор, облакачиваясь на резную полку погасшего камина.

— Джастин! Что бы сказал твой дорогой покойный отец, если бы слышал такие речи?

— Мой отец слишком предавался пьянству и более мерзким плотским грехам, чтобы его это интересовало.

— Как ты смеешь так говорить?

— Потому что это правда. — Кайлмор поднял глаза. С ощущением неизбежности он смотрел, как мать встряхивает кусочком кружева и прикладывает его к глазам.

— Ради бога, что я сделала, чем я заслужила такого бесчувственного сына?

— Не думаю, что имеет смысл и далее обсуждать эту тему, мадам, — ледяным тоном произнес он.

Его мать искусно умела проливать слезы. Вид, с которым она сжимала носовой платок, только нагонял тоску.

— Летиция была бы тебе идеальной женой, Джастин.

— Ты хочешь сказать, что она — твоя лучшая шпионка?

Мать уже несколько лет навязывала ему свою подопечную, леди Летицию Уэйд. В последнее время она стала до отчаяния настойчивой. Возможно, потому, что видела, как стремительно исчезает ее влияние на сына.

Маргарет, герцогиня Кайлмор, дорожила лишь одним — властью. Добиваясь своего, она соблазнила половину парламента, с легкостью лгала, подкупала и интриговала. Без малейшего угрызения совести она уничтожала любого, кто становился на пути к ее эгоистичным целям. Джастин достаточно часто был свидетелем ее дел.

Но дни ее власти уходили в прошлое, и она это понимала. Вселение бледнолицей Летиции в дом сына было чем-то вроде последней ставки.

Герцогиня упрямо подняла подбородок:

— Идут разговоры. Если ты не исправишь положение, репутация бедной девочки будет безнадежно погублена.

— Если распространяются сплетни, то у них один источник. И это ты. — Кайлмор шагнул к матери. — Я никогда не пущу эту овцу-доносицу в свою постель. Если злые языки болтают о том, что она спит под моей крышей, так это легко исправить. Вдовый дом готов для проживания.

В яростном вопле матери уже не было притворства.

— Уехать из города? В середине сезона? Ты, должно быть, сошел с ума. Все осудят тебя за жестокость и пренебрежение, если ты так чудовищно поступишь со мной.

Терпение Кайлмора было на пределе. Возможно, он не ненавидел мать все свои двадцать семь лет, но, видит бог, сейчас ему казалось, что ненавидел. Предоставлялась возможность для идеальной мести. Наступил момент показать герцогине, каким чудовищем он мог быть.

Джастин позволил себе холодно улыбнуться.

— Думаю, что нет. Люди будут считать мои поступки вполне естественными для молодожена.

Конечно, мать не сразу поняла его. Ее лицо с правильными чертами, с яркими синими глазами и черными изогнутыми бровями — лицо, двойника которого он видел каждый раз, проходя мимо зеркала, и которое яростно ненавидел, — просветлело от радости.

— О, Джастин! Ты разыгрывал меня. Господи, мне бы следовало догадаться. Летиция будет в восторге. Она всегда питала *tendre* к тебе.

Кайлмор без усилий сохранял на лице улыбку.

— Сомневаюсь. — Подопечная герцогини, насколько ему известно, боялась его до ужаса. То, что Летиция при мысли о замужестве не бежала с воплями в ближайший монастырь, доказывало, как велико было влияние на нее Маргарет. — Но я боюсь, вы неправильно поняли меня, матушка.

Герцогиня была умной женщиной, хотя тщеславие и собственные интересы иногда вводили ее в заблуждение.

— Не спешి делать что-то назло мне, Джастин. Помни о чести Кинмерри, — сразу посерьезнев, сказала она.

— О, честь Кинмерри для меня превыше всего, дорогая матушка. — Он увидел, как ее передернуло от сарказма, с которым он произнес ласковое обращение. — Я собираюсь ввести в дом жену, чтобы обогатить эту честь гордостью.

— Джастин... — Она протянула к нему руки, но он отшатнулся. Ему было приятно, что она по-настоящему испугалась.

— Я не стану тянуть с помолвкой, мама. Моя жена захочет как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей. Принимая во внимание эту ситуацию, вам с Летицией следует подготовиться к скорому отъезду. — Он небрежно поклонился. — К вашим услугам. — Он вышел из библиотеки, думая только о своем решении, твердом как алмаз.

Горничная нашла Верити в кухне.

— Простите, мисс, но его светлость в гостиной и спрашивает вас.

— Что? — Она слишком резко повернулась и уронила на каменный пол фаянсовый подсвечник.

— О, мисс! — Элси, заламывая руки захлопотала над осколками. — О, мисс, не двигайтесь, а то порежетесь.

— Все в порядке, Элси. — Но если признаться, Верити очень нравился этот подсвечник. — Ты говоришь, герцог Кайлмор здесь?

— Да, мисс. Я достану метлу и замету осколки.

Забывшееся от ужаса сердце Верити заглушало лепет горничной. Зачем приехал Кайлмор? Он навещал ее регулярно, почти с военной точностью, по понедельникам, вторникам и четвергам. Он приезжал, получал удовольствие, уезжал. Время от времени он присылал за ней карету, чтобы повезти в театр или на званый вечер. Но, покинув Кенсингтон, он никогда не возвращался в тот же день.

Совпадение ли то, что именно в этот вечер она намеревалась исчезнуть из его жизни? Должно быть, он узнал. Но как? Верити была так скрытна, так осторожна.

Трясущимися руками она сняла грязный передник. Верити, в своем простом сером муслиновом платье, едва ли делала честь легендарной Сорайе, но вызывать недожество герцога, заставляя его ждать, казалось неразумным. Если он узнал о ее намерениях, то ей потребуется каждая капля доброжелательности, которую она могла заслужить.

Она всплыла в гостиную с гордо поднятой головой, а сердце бешено билось в груди. Ее намерения не были, строго говоря, законными, но точное определение рамок законности становилось излишним, если вашим врагом являлся могущественный человек. А герцог обладал всем доступным человеку могуществом.

— Ваша светлость? Какая... приятная неожиданность.

Герцог, рассматривавший пустые места на стенах, медленно повернулся. Торговец картинами ушел лишь час назад, унося с собой ничем не примечательные произведения искусства, которые Кайлмор счел подходящими для жилища своей любовницы.

Верити поторопилась обратиться к нему прежде, чем он успел заговорить.

— Я прикажу подать чай. Или ваша светлость предпочитает... подняться наверх? — Такая грубоватая прямота была недостойна великой Сорайи, но Верити была сильно встревожена.

Герцог озадаченно посмотрел на нее почти с тем же выражением, с каким рассматривал голые стены.

— Ты выглядишь... как-то по-другому.

Сорайя всегда появлялась перед своим покровителем в самом лучшем наряде или совершенно обнаженной.

Кайлмор оглядел пустую комнату:

— Что здесь происходит?

Верити засмеялась так, как смеялась Сорайя: низким, хрипловатым, явно двусмысленным смехом.

— Ваша светлость застали меня за домашними делами. Мы делали уборку в доме. — С привычным изяществом она опустила на кушетку и жестом пригласила герцога сесть.

— Мы? Я не хочу, чтобы моя любовница делала домашнюю работу. Если тебе нужны еще слуги, то только скажи. — Он сел напротив нее. Его ярко-синие глаза критически оглядывали ее.

Она пожала плечами.

— Я люблю все делать по-своему, ваша светлость. Ведь дом-то, в конце концов, мой. — Она надеялась, что он вспомнит об этом, когда она уедет.

— У тебя грязь на щеке.

Невероятно, но она покраснела. Она, которая в пятнадцать лет продала свою чистоту, чтобы иметь средства для существования. Сегодняшний день был полон неожиданностей.

Поцелуй. Второй приезд герцога. А теперь этот румянец.

Вероятно, действительно пришло время исчезнуть.

— Своим видом я вызвала ваше неудовольствие, — спокойно заметила она. — Пойду надену платье, более подходящее для приема вашей светлости. — Она хотела встать.

— Нет, я вел себя невежливо. Прошу прощения.

От изумления Верити снова села.

Такого еще не бывало! Неужели она только что услышала, как ее гордый упрямый любовник извинился перед ней.

Герцог сохранял непроницаемое выражение лица.

— Ты не можешь не быть обворожительной.

— Спасибо, — сказала она, хотя его фраза прозвучала совсем не как комплимент.

— Из тебя получится блистательная герцогиня.

Если бы она не так хорошо знала его, то подумала бы, что он провел день за бутылкой. Страх несколько утих, и она уже находила странный юмор Кайлмора неприятным.

— Как вижу, вашей светлости нравится шутить.

Глаза Кайлмора холодно блеснули.

— Я не шучу, мадам. — В его звучном голосе послышались привычные властные нотки. — Я приехал сообщ-

шить вам, что мы поженимся, как только я получу специальное разрешение.

Изумление заставило ее искренне рассмеяться.

— Теперь я уже не ошибаюсь, вы действительно смеесться надо мной. — Она встала, чтобы подать ему бокал вина, но он, протянув руку и схватив за запястье, остановил ее.

— Станный ответ на мое предложение.

— Я не слышала никакого предложения.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она смотрела ему в лицо и видела, как дергается его щека. Она понимала, что им владеет сильное чувство. Кажалось, он вполне серьезно воспринимает эту безумную идею.

— Ваша светлость, как бы мне ни льстило ваше внимание, но вы должны понимать, что предлагаете невозможное. — Его челюсти сжались, но она продолжала еще более суровым тоном. — Даже если свет и ваша семья смирятся с таким мезальянсом, боюсь, моя собственная гордость заставит меня отказать вам.

— Гордость? — Он произнес это слово так, как будто оно не могло быть связано с таким падшим созданием, каким была она. — Это высокое положение, о котором ты не смела и мечтать.

— Мои мечты показались бы вам удивительно скромными.

Несмотря на ощущение нереальности происходящего, Верити рассердилась. Только ослепленный властью тиран мог ожидать, что она будет ему благодарна за это безрассудное предложение. Она была достаточно сообразительной, чтобы понять, что у герцога зреет какой-то замысел, хотя и не могла догадаться о цели.

Более тщеславная объяснила бы предложение герцога неожиданным избытком страсти. Но Верити не заблуждалась. Он что-то затевал в собственных интересах. И она не имела намерения впутываться в это.

Она — герцогиня? Идея была до смешного нереальной.